

Как видим, по этой версии врагами троянцев являются по-только этруски в союзе с рутулами, но и латины—ситуация, не повторяющаяся более в позднейших версиях легенды, известных через Дионисия Галикарнасского (I, 57), Юстина (XLIII, 1) и Тита Ливия (I, 1 сл.), где во всех случаях латины уже являются союзникам и Энея и троянцев, при этом Эней закрепляет свой союз с ними браком с Лавинией. Врагами же их оказываются рутулы, союзники этрусков.

Из сказанного явствует, что, в противоречии с этрусской традицией, известной из Ликофрона, в Риме в то время, когда он противопоставил себя латинской лиге и этрусскому владычеству, возникла пересказанная Сервием и восходящая к Катону традиция. Позднейшая ее модификация происходила в направлении объединения троянцев с латинами во вражде и борьбе с этрусками и другими италийцами (представленными в легенде рутулами). Если судить по аналогии с легендами об элимах, венецах и япигах-мессапиях, трудно сомневаться в том, что Эней в этрусской версии легенды имел родопачальников этого народа в своей свите. Что эта легенда первоначально могла иметь в виду одних лишь этрусков, выясняется из того, что имя Турн (Turnus) скорее всего, этрусского происхождения, ибо известно этрусское надгробие с надписью, *tite espate turns*, а также само собой напрашивается сопоставление Turnus — *τορρυνός*, сделанное уже Дионисием Галикарнасским и подчеркнутое некоторыми современными лингвистами, в том числе Кречмером¹.

Первоначальные греческие колонисты, следовательно, знавшие в Средней Италии тирренов, связывали их, как и некоторые другие италийские племена, с легендой об Энее. Связывали они их и с другими греческими героями, примером чему может служить упомянутая уже легенда, зафиксированная Гесиодом, по которой (Theog., 1073) Латин, являющийся царем тирренов (Гесиод не различал, таким образом, этрусков и латинян), связывается не с Энеем еще, а с Одиссеем. В этих легендах, впоследствии переименованных и приспособленных римлянами к их политическим тенденциям, фигурировали также Диомед, Менелай и другие герои эпохи Троянской войны.

Что же касается этапов пути Энея с троянцами или Диомеда с япигами, то они, как уже мы в этом имели случай убедиться на примере с этапами западного маршрута Язона и аргонавтов, могут представить собой действительные пути миграций и торговых сношений. Путь венецов через Балканский полуостров, вокруг северной Адриатики, путь Диомеда через Адриатику (остров Тремити) в Северную Апулию может быть не что иное, как действительное воспоминание о путях проникновения в Италию балканских этнических и культурных элементов.

С указанных точек зрения легенда о троянском происхождении Рима и других италийских городов и племен предстает перед нами в гораздо более широком аспекте и имеет несравненно более длинную и содержательную историю, чем это стремится показать в своей интересной книге Ж. Перре.

Л. Ельницкий

J. DAY, *An Economic History of Athens under Roman Domination*, New-York, 1942, X + 300 стр.

Рецензируемый труд профессора Колумбийского университета Дэй посвящен изучению эпопомпической истории Афин и Аттики на протяжении, примерно, 7—8 веков, начиная с III в. до н. э. и кончая основанием университета в Константинополе в 425 г. н. э.

¹ См. об этом у Georgiev'a, «Die Träger der Kretisch-Mykenischen Kultur, «Годишник на Софийския Университет», т. XXXIII, стр. 186 сл., а также рецензируемую книгу Perrot, стр. 498, прим. 2.

Книга состоит из семи глав: 1) Афины до римлян: III в. до н.э. (стр. 1—28); 2) II в., до приобретения Делоса: 200—166 гг. до н.э. (стр. 29—50); 3) от приобретения Делоса до разрушения Афин: 166—86 гг. до н.э. (стр. 51—120); 4) от Суллы до смерти Августа: 86 г. до н.э.—14 г. н.э. (стр. 121—177); 5) Афины под властью императоров: 14—200 гг. н.э. (стр. 179—251); 6) III в. н.э. (стр. 252—261) и 7) заключительный период (aftermath): IV и V вв. (стр. 262—270). К книге приложена избранная библиография и небольшая указатель.

Автор книги—ученик М. И. Ростовцева, которому, равно как и В. Л. Вестерман, посвящена рецензируемая работа. Влияние маститого буржуазного ученого чувствуется во всем исследовании. Исходя из известных установок своего учителя, Дэй не видит никакого качественного различия между античным и современным обществом. В большом труде, посвященном экономической истории крупнейшего города Греции, вряд ли найдутся в общей сложности две-три страницы о рабовладении, положении рабов в Афинах, их численности и участии в производственной жизни. Дэй обходит полным молчанием общеизвестные, хотя и сомнительные данные Афиняе о количестве рабов в Афинах, несмотря на то, что этому же вопросу посвятила несколько статей Вестерман. Автор только мимоходом останавливается на восстаниях рабов Лаврийских рудников в конце II в. до н.э.

Отсюда вытекает основная ошибка всего исследования. Развитие экономики Афин во II в. до н.э. и дальнейшую их судьбу в императорскую эпоху Дэй объясняет не внутренними противоречиями рабовладельческого строя в Афинах или хотя бы законами развития всей античной формации в целом, а только внешними, приходящими моментами, как, например, развитием торговли, приобретением Делоса, строительной политикой Адриана и т.д. Громадное количество цитируемых фактов не связано у Дэй в одно целое единой научной концепцией.

Хронологические рамки, поставленные Дзем, исключительно широки. При современном состоянии историографии очень трудно исчерпывающим образом исследовать историю Афин на протяжении семи-восьми веков. Даже при беглом обзоре содержания рецензируемого труда у читателя создается впечатление, что книга состоит из двух совершенно различных частей.

Первая часть, охватывающая период от начала II в. до смерти Августа, является вполне законченным цельным исследованием, написана обстоятельно и четко. Вторая часть книги, трактующая историю Афин императорского периода, представляет собой черновой набросок и в лучшем случае только выдвигает отдельные вопросы без связанного изложения событий.

Такая неравномерность вызвана не только наличием большого количества источников по первому периоду и пробелами в нашем знании заключительного периода истории античных Афин. Значительно более существенным фактором является общее состояние современной историографии Афин. Вот уже, примерно, полвека со времени выхода в свет классической работы покойного академика С. А. Жебелева—Очерки по истории Афин 229—31 гг. до н.э.,—кстати говоря, совершенно не использованной Дзем, история эллинистических Афин систематически разрабатывалась в специальных монографиях Фергюсона и обстоятельно освещалась в общих трудах по экономике эллинизма (работы Ростовцева, Гейхельгейма, Ларсена и др.).

В этом разделе задача Дэй свелась в основном к систематизации новых археологических и, прежде всего, эпиграфических данных, полученных за последние десятилетия, а в особенности во время американских раскопок афинской агоры в 30-е годы нашего века.

История Афин императорской эпохи не пользовалась большим вниманием исследователей и за последние десятилетия не появилось ни одного обобщающего труда в этой области. Задача, стоящая перед автором: написать экономическую историю Афин, оказалась в отношении императорского периода чересчур трудной. Это отразилось как на содержании, так и на форме второй части книги. Но все же, учитывая незначительное количество имеющихся в нашем распоряжении эпиграфических данных об истории Афин императорского периода, а также почти полное отсутствие литературных источ-

ников, касающихся этого времени, надо признать, что и в этом отношении рецензируемая книга, хотя бы частично, восполняет большой пробел в историографии.

Основные научные интересы автора концентрируются вокруг двух основных этапов в экономической истории Афин. В эллинистический период—это вторая половина II в., эпоха расцвета афинской торговли. В императорское время—это правление Адриана. Все остальные главы являются, собственно говоря, только введением или заключением к третьей и пятой главе—вышеуказанным основным разделам книги.

Следует отметить внимательное отношение автора не только к экономическим, но и к социальным проблемам. В частности Дэй останавливается со всей возможной по состоянию источников полнотой на положении широких слоев населения, касается вопросов заработной платы, дороговизны и т. д. Он неоднократно подчеркивает, что «никоим образом нельзя сказать, что трудящиеся в Афинах, как и повсюду в эллинистическом мире, участвовали в благоденствии того века» (стр. 10; аналогичные высказывания на стр. 46—47 и др.).

Перейдем к последовательному разбору отдельных, наиболее интересных, положений Дэй. В вводной главе об экономике Афин в III в., оценивая общие тенденции экономического развития Афин, автор пользуется в основном данными о колебаниях цен на товары, почерпнутыми исключительно из отчетов делосских греков, и делает отсюда, по нашему мнению, все же недостаточно обоснованный вывод об экономическом кризисе в Афинах. «Во второй половине III в. цены на основной предмет афинского вывоза (оливки) пали, в то время как цены на наиболее необходимый предмет ввоза (хлеб) выросли... Афиняне страдали от пассивного торгового баланса» (стр. 7—8). Механическое перенесение делосских данных на Афины вообще вызывает большое сомнение. Как известно, цены на Делосе подвергались в течение III в. очень значительным колебаниям в связи с целым рядом обстоятельств, в том числе и в зависимости от общеполитической обстановки в Эгейском бассейне. Единственный вполне достоверный вывод весьма скуден и фактически сводится к тому, что в первой половине III в. цены на все товары значительно выросли, в то время как, начиная с 246 г., наблюдается постоянное падение цен. Особенно значительным колебаниям подвержены были именно цены на хлеб. Мы, к сожалению, не располагаем никакими данными о движении цен в Афинах. Нет у нас также цифровых данных о состоянии афинской торговли. Даже если предположить, что цены в Афинах в целом были аналогичны делосским, то все же не имеется достаточно оснований говорить о пассивном торговом балансе Афин и о пагубных последствиях этого явления.

Лучше обосновано основное положение этой главы об «ускорении процесса концентрации земельной собственности» в Афинах (стр. 9). Дэй удачно развивает гипотезу Фергюсона о том, что во второй половине III в. политическая власть в Афинах перешла в руки землевладельцев Месогейской равнины, которым удалось добиться вывода македонского гарнизона из Афин в 229 г. На основании свежих эпиграфических данных заново освещена история сбора 150 талантов для оплаты македонян. Опубликованный в 1939 г. («Hesperia», VIII, 245) новый фрагмент известной надписи IG II-III² 791, дающий список 133 наиболее зажиточных жителей Афин и Аттики, тоже подтверждает точку зрения Фергюсона.

Очень большие сомнения вызывает методика анализа афинской торговли во II в., а также и в последующее время. Основным источником Дэй является здесь статистика надгробий иностранцев, проживавших в Афинах. Исходя из этих данных, Дэй пытается уточнить «не только направление торговли, но, в определенном объеме, даже и объекты» афинской торговли (стр. 17). Этот тезис мало обоснован. В свое время уже Ростовцев пытался в своей статье в САН VIII о «Родосе, Делосе и эллинистической торговле» дать сводку иностранцев-проксенов на Делосе и сделать отсюда далеко идущие выводы о, якобы, громадном размахе делосской торговли. Сам Дэй (стр. 18, прим. 98) обращает внимание на шаткость такой интерпретации данных о проксенах, но те же возражения, и с еще большим основанием, можно отнести к выводам самого автора. К примеру сказать, среди надгробий иностранцев в Афинах встречается очень мало имен родосцев и почти нет ни одного упоминания об александрийцах, в то время

как наличие значительной торговли Родоса с Афинами доказывается нахождением большого количества родосских амфор на афинской агоре. Торговые же связи Александрии с Афинами в этот период неоднократно подчеркиваются самим Дэй. Трудности датировки надгробий, незначительное количество иностранцев из отдельных городов и, наконец, необходимость учета фактора случайности, игравшего большую роль при данных такого рода, делают весьма проблематичными выводы автора, тем более, что им весьма часто противоречат другие данные. Так например, несмотря на ничтожное количество надгробий родосцев, мы насчитываем 5 родосцев среди 27 иностранцев-подписчиков в фонд архонта Гермодора в 183/82 г. до н. э. (IG II-III^a 2332; Дэй, стр. 43, прим. 97—98).

Единственный правильный метод заключается в комплексном анализе всех имеющихся данных, причем при наличии единичных, а тем более противоречивых сведений необходима сугубая осторожность.

Характерной иллюстрацией того, сколь мало иногда обоснованы выводы Дэй, является пример с «даром Масиниссы». Как известно, в делосских надписях имеется одно единственное упоминание о том, что Масинисса сделал большой дар хлебом храму Аполлона и что делосские власти продали этот хлеб на делосском рынке, выручив при этом около 10 000 драхм. Хлеб был продан, по видимому, самим делосцам. В это время хлебный фонд Делоса составлял около 60 000 драхм в год, причем из выкладок Ларсена следует, что стоимость годового потребления хлеба на Делосе составляла не менее 300—500 тысяч драхм. Таким образом, ясно, что, даже судя по делосским масштабам, дар Масиниссы не представлял собой ничего исключительного и не был рассчитан на экспорт нумидийского хлеба из Делоса в другие полисы. Дэй же делает отсюда вывод, что в тяжелые годы Афины привозили хлеб из Нумидии и что «ради этого в первой половине II в. хлеб грузился на корабли в Нумидии для перевозки его на Восток». Дополнительно же хлеб прибывал, вероятно, из Пергама и Сирии (стр. 45). К этой же надписи Дэй возвращается в следующей главе, находя у Масиниссы планы «обеспечения рынка сбыта зерна на будущие годы» (стр. 70).

Анализируя экономику Делоса в первой половине II в., Дэй считает дар Масиниссы неоспоримым доказательством наличия большого хлебного рынка на Делосе не только в 179 г., но и после захвата Делоса афинянами в 166 г. (там же).

Правда, «дар Масиниссы» стал за последние годы общим местом в исследованиях по экономике эллинизма (работы Ростовцева, Гейхельгейма и, частично, Ларсена). Дэй следует здесь за течением. Но все же нельзя делать выводы о транзитной торговле нумидийским хлебом на Делосе на основании одной только надписи, ничего не говорящей о транзите, да к тому же считать без малейшего к тому основания, что нумидийский хлеб продавался в Афинах; тем паче, что до 166 г. у нас нет почти никаких, даже косвенных, данных о торговле Делоса с Афинами.

В вопросе об экономических причинах римской экспансии на Восток вообще, а в Грецию в частности, Дэй присоединяется к точке зрения основного исследователя этой проблемы Гатцфельда и обращает внимание на то, что среди афинских надгробий вплоть до 166 г. почти нет имен италийских и сицилийских греков, не говоря уже о коренных италийцах. «Массовое движение италийских negotiatores на Восток началось не раньше половины века» (стр. 44).

Очень метко и едко Дэй оценивает начало римского господства в Афинах, заявляя что провозглашение свободы греков в 196 г. фактически означало конец их свободы. Римская политика в Греции сводилась всегда, как правильно отмечает автор, к поддержке имущих слоев населения и подавлению бедноты.

II в. до н. э. был для Афин, как отмечает Дэй, периодом процветания, «prosperity», длившимся от освобождения от македонской оккупации (229 г.) вплоть до разрушения Афин войсками Суллы в 87 г. Причины экономического подъема автор видит в оживлении торговли Пирея, возобновлении работы Лаврийских рудников и значительном притоке богатых иностранцев в Афины. Во второй половине века положительную роль в развитии афинской торговли сыграл и свободный порт Делос. Незначительное число жителей собственно Греции на Делосе и, наоборот, большое количество иностранцев

происходивших из центральной и особенно северной Греции, в Афинах дает автору возможность предположить, что лежащий на маршруте Делос был основным центром торговли Италии с Востоком, а Афины были промежуточной станцией от Делоса на север для торговли с центральной и северной Грецией (стр. 82).

Вызывает удивление точка зрения Дэй на экономические результаты римского вторжения в Грецию. Он пишет: «Греция в целом не пострадала от войн, вызванных интервенцией Рима на Востоке» (стр. 48). Притом Дэй имеет здесь в виду не только вторую, но и третью македонскую войну. Столь необоснованное и противоречащее общеизвестным свидетельствам источников (например, данным Ливия о продаже 150 000 эпитротов в рабство) утверждение Дэй базируется на ошибочном истолковании данных делосских текстов, свидетельствующих об избытке свободных капиталов именно в период 172—168 гг. до н. э. Принимаемое Дэй как неоспоримый факт наличие единого рынка капиталов во всей Греции вовсе еще не доказано, и очень сомнительно, имели ли отдельные колебания цен на Делосе общегреческое, а не только локальное значение.

Значительную часть III главы автор посвящает истории Делоса до и, особенно, после захвата его афилианами. К сожалению, Дэй ограничивается обстоятельной характеристикой делосской торговли, не касаясь даже вопроса о сельском хозяйстве острова. Совершенно неудовлетворительно—впрочем вполне последовательно с точки зрения общих установок автора—освещена игравшая столь крупную роль работорговля острова Алоллона.

По вопросу о том, получили ли Афины значительную пользу от присоединения Делоса, Дэй, вопреки мнению Ростовцева, повидимому, правильно считает, что расширением делосской торговли воспользовались только наиболее богатые торговцы Афин, в то время как ни афинская государственная казна, ни масса населения никаких доходов от Делоса не получали (стр. 107—109).

Интересно изложение внутренней истории Афин в конце II в. Поддерживая гипотезу Фергюсона о том, что в последние годы II в. власть в Афинах перешла от демократически настроенных землевладельцев Месогей в руки представителей городских торговых кругов, Дэй считает, что основной причиной смены правительства были: 1) быстрый рост торговли, опережавший развитие других отраслей афинской экономики, и 2) поддержка нового правительства римлянами, всегда предпочитавшими опираться на наиболее реакционные группы населения зависимых стран (стр. 101—102 и 110—111). Дальнейший рост афинской торговли нашел, по мнению Дэй, между прочим, свое выражение в усиленной чеканке афинских монет нового стиля, распространившихся не только во всем Средиземноморье, но и вплоть до Аравии (стр. 86—87); в реконструкции Пирея (стр. 89), а также в особенно подробно анализируемом постановлении Дельфийской амфикионии об обязательном приеме афинских тетрадрахм по курсу 4 серебряных драхмы за одну тетрадрахму во всех полисах, принадлежащих к амфикионии. Штраф за нарушение данного постановления составлял 200 драхм для свободных граждан и бичевание для рабов (FDD III, 2, 139; Дэй, стр. 98).

С постановлением дельфийской амфикионии тесно связано решение о пересмотре системы мер, весов и монет, принятое в Афинах в 101 г. до н. э. (стр. 111). Дэй считает это одним из первых мероприятий нового афинского правительства, представлявшего интересы торговых слоев населения, и восполняет анализ Фергюсона интерпретацией новых фрагментов постановления, найденных в конце 30 гг. на агоре (статья Meritt'a в «Hesperia», VII, 127—131).

Обострение политической борьбы в Афинах в период, непосредственно предшествовавший первой Митридатовой войне, Дэй объясняет ростом недовольства широких масс населения политической олигархического правительства. Обострение классовой борьбы привело в 91/0 г. к установлению «диктатуры» Медел (стр. 113), после чего народная партия выслала послов к Митридагу с просьбой о помощи. Сам ход войны и разрушение Афин сулланцами описываются Дэй только мимоходом. «Ужасное несчастье 86 г.—это, как справедливо отмечает автор, важнейший поворотный пункт в истории Афин» (стр. 119).

IV глава, охватывающая период от Суллы до смерти Августа, значительно слабее первых трех. В предыдущих главах автор весьма внимательно относился как к литературным, так и к эпиграфическим источникам. В данной главе Дэй подвергает сомнению единогласные высказывания всех древних авторов о катастрофическом запустении Афин в период между Суллой и началом принципата, причем он не в состоянии поддержать свою точку зрения даже свидетельством эпиграфических данных. Дэй пытается доказать, что римское владычество над Грецией не повлияло на падение экономики Афин и что, начиная с Августа, мы наблюдаем даже подъем благосостояния города. Он пишет: «Многие показатели свидетельствуют об удивительном возрождении благоденствия Афин во время Августа. Государство было бедно, несмотря на незначительные расходы. Не было уже необходимости содержать армию и флот. Общественные должности были бесплатны (*honorarii*) и были финансовой тягостью скорее для их носителей, чем для государства» (стр. 169). Таким образом, Дэй представляет лишение независимости и фактическое превращение Афин в бесправный провинциальный город чуть ли не как благодеяние со стороны Рима. Но даже и он не может не признать, что раз Ромула означал конец не только политической самостоятельности бывшей столицы эллинского мира, но и превращение ее в один из захолустных городов Римской империи, живущий не настоящим, а прошлым. «Особенно, начиная со времени Августа, Афины стремились все более и более жить своим прошлым» (стр. 175). Какой едкой насмешкой над героическим прошлым Афин и над усилиями Дэй обелить римскую политику звучат его же заключительные слова: «Они (Афины во время Августа.—*Я. Л.*) были культурной столицей эллинизма и, следовательно, всего мира».

В данной главе привлекает внимание анализ просопографических данных, показывающий, «что политическая власть в течение более чем столетия находится в руках одних и тех же семейств. В частности, эти же данные свидетельствуют об устойчивости материального положения месогейских землевладельцев, сохранивших свои экономические позиции, несмотря на ряд политических переворотов» (стр. 171—174).

Значительно более содержательна V глава, основная во второй половине книги. Дэй останавливается особенно подробно на политике Адриана (стр. 13—196) и, в частности, превозносит строительную деятельность императора, якобы означавшую чуть ли не возврат к периоду процветания. обстоятельно анализируются Даем также сохранившиеся в надписях тексты законов Адриана о закупке оливкового масла и о продаже рыбы. Дэй доказывает, что «его (закон о закупке оливкового масла.—*Я. Л.*) основная цель состояла в обеспечении государства достаточным источником оливкового масла для различных общественных нужд». В качестве примера Дей указывает на освещение улиц по умеренным ценам. Кроме того закон преследовал цель ограничить прибыли посредников (стр. 192). К аналогичным целям стремился и закон, нормирующий условия продажи рыбы (стр. 184).

Интересны собранные Даем данные о значительном вывозе пентеликонского мрамора и изделий афинских скульпторов из Афин в Рим и Италию.

Большая сводная таблица имен иностранцев на аттических надгробиях (стр. 217—220) вызывает значительное больше доверия, чем аналогичные данные II в. до н. э. Во-первых, трехзначные цифры в большей степени нивелируют влияние фактора случайности, во-вторых, невозможность точной датировки ряда надписей заставляет Дэй быть более осторожным в своих выводах. Из таблицы явствует, что подавляющее большинство иностранцев происходило из городов Малой Азии. Из общего количества 844 надгробий 597 имен—малоазиатского происхождения. Сомнение вызывают только два момента: 1) чересчур большое количество милетцев (342 имени), тем более, что среди них имеются даже такие, как *Pomponius Clarus* и *Claudius Capito*, и 2) очень незначительное число (всего лишь 7) имен из причерноморских районов (за исключением городов побережья Малой Азии). Наличие большого количества иностранцев в Афинах объясняется Даем тем, что это были торговцы, продававшие свои товары по всей Греции, но селившиеся в Афинах в связи с возможностью

пользования «столичным» комфортом и перспективами на продажу своих товаров студентам, занимающимся в Афинах. Дополнительными факторами, привлекавшими иностранцев в Афины, были возможности больших подрядов на украшение города во время Адриана и возможности сбыта продукции афинских скульпторов в Италии.

Еще более важен анализ земельных отношений в Аттике в период Адриана прежде всего на основании надписи IG II-III^a 2776 (стр. 221—251). Основные выводы Дэй таковы: в период империи продолжается процесс централизации земельной собственности. Однако в отличие от Италии в Аттике крупные земельные владения никогда не концентрировались в одном деме и обрабатывались преимущественно арендаторами. Характерной особенностью крупного афинского землевладения было тесное переплетение его с ростовщичеством, как это видно хотя бы на примере Ирода Аттика. В период империи следует считать весьма важным фактором большую неравномерность в распределении богатств (the gross maldistribution of wealth) (стр. 250).

Две последних кратких главы обзорного характера освещают некоторые моменты из истории Афин в III в., а также IV и V вв. Последовавшее вскоре затем перенесение столицы в Константинополь окончательно подорвало экономику Афин, а победа христианства покончила также и с культурным значением славнейшего города античности. Основание в 425 г. Константинопольского университета—центра христианской учености—было последним ударом, от которого Афины так уже и не смогли оправиться.

В приложении Дэй анализирует данные о населении Афин на отдельных этапах их истории и приходит к выводу, что при настоящем состоянии науки невозможно установить какие-либо абсолютные цифры. Единственный источник, заслуживающий, по его мнению, доверия—это списки эфбев, сохранившиеся более или менее полно на протяжении пяти столетий от 267/6 г. до н. э. вплоть до 266/7 г. н. э. Но и эти данные могут дать только общую картину относительных изменений народонаселения Афин, но не способны определить абсолютные размеры населения города.

В общем и целом книга Дэй, особенно в первой своей части, является ценным исследованием по экономической истории Афин, прежде всего афинской торговли и, частично, земледелия. Совершенно ошибочны взгляды автора на результаты римского вторжения и господства в Греции. Вопросы рабовладения и положения рабов в Афинах и Аттике автором вообще игнорируются.

Я. А. Ленцман

E. GREN, Kleinasion und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit (Uppsala Universitets Arsskrif, 1941; 9).

Широкий интерес к экономической истории древнего мира, проявляемый современными учеными различных стран, нашел свое отражение в новой работе шведского ученого Э. Грэн «Малая Азия и Восточные Балканы в хозяйственном развитии Римской империи», которая посвящена исследованию роли римской армии в экономике Римской империи, преимущественно во II—III вв. н. э.

Автор использовал большое количество разнообразных источников, а огромный библиографический указатель свидетельствует о хорошем знании литературы. Но Грэн не ограничился одним только собиранием материала, он предлагает новую и стройную схему, которая должна, по его мнению, объяснить историческое развитие Малой Азии и придунайских провинций в первые века нашей эры.

I глава посвящена обзору хозяйственного развития Малой Азии в эпоху Римской империи. Автор намечает ряд основных моментов, характеризующих это развитие: бурный экономический подъем внутренних провинций Малой Азии, упадок хозяйственной деятельности прибрежных городов и, наконец, передвижение торговых путей этой страны на северо-запад. В основе всего исследования лежит нумизматический мате-